

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков

I. БОГ РЕМОНТ

Каждый бог на свой фасон. Меркурий, например, с крылышками на ногах. Он – нэпман и жулик[1]. А мой любимый бог – бог Ремонт, вселившийся в Москву в 1922 году, в переднике, вымазан известкой, от него пахнет махоркой. Он и меня зацепил своей кистью, и до сих пор я храню след божественного прикосновения на своем осеннем пальто, в котором я хожу и зимой. Почему? Ах да, за границей, вероятно, неизвестно, что в Москве существует целый класс, считающий модным ходить зимой в осеннем. К этому классу принадлежит так называемая мыслящая интеллигенция и интеллигенция будущая: рабфаки и проч. Эти последние, впрочем, даже и не в пальто, а в каких-то кургузых куртках. Холодно?..

Вздор. Очень легко можно привыкнуть.

Итак, это было золотой осенью, когда мы с приятелем моим – спецом – выходили из гостиницы. Там зверски орудовал прекрасный бог. Стояли козлы, со стен бежали белые ручьи, вкусно пахло масляной краской.

Тут-то он меня и мазнул.

Спец жадно вдохнул запах краски и гордо сказал:

– Не угодно ли. Погодите, еще годик – не узнаете Москвы. Теперь «мы» (ударение на этом слове) покажем, на что мы способны!

К сожалению, ничего особенного спец показать не успел, так как через неделю после этого стал очередной жертвой «большевистского террора». Именно: его посадили в Бутырки.

За что, совершенно неизвестно.

Жена его говорит по этому поводу что-то невнятное:

– Это безобразие! Ведь расписки нет? Нет? Пусть покажут расписку. Сидоров (или Иванов, не помню) – подлец! Говорит, двадцать миллиардов. Во-первых, пятнадцать!

Расписки, действительно, нету (не идиот же спец, в самом деле!), поэтому спеца скоро выпустят. Но тогда уж он действительно покажет. Набравшись сил в Бутырках.

Но спеца нет, бог Ремонт остался. Может быть, потому, что, сколько бы спецов ни сажали, остается все же невероятное количество (точная моя статистика: в Москве – 1 000 000, не ме-не-е!), или потому, что можно обойтись и без спецов, но бог неугомонный, прекрасный – штукатур, маляр и каменщик – орудует. И даже теперь он не затих, хоть уже зима и валит мягкий снег.

На Лубянке, на углу Мясницкой, было Бог знает что: какая-то выгрызенная плешь, покрытая битым кирпичом и осколками бутылок. А теперь, правда, одноэтажное, но все же здание! З-д-а-н-и-е! Цельные стекла. Все как полагается. За стеклами, правда, ничего еще нет, но снаружи уже красуется надпись золотыми буквами: «Трикотаж».

Вообще на глазах происходят чудеса. Зияющие двери в нижних этажах вдруг застекляются. День... два, и за стеклами загораются лампы, и... или материи каскадами, или же красуется под зеленым абажуром какая-то голова, склонившаяся над бумагами. Не знаю, почему и какая голова, но что он делает, могу сказать, не заглядывая внутрь:

– Составляет ведомость на сверхурочные.

И откровенно скажу: материи – хорошо, а голова – это не нужно. Пишут, пишут... Но с этим, видно, ничего не поделаешь.

Я верю: материи и посуда, зонтики и калоши вытеснят в конце концов плешивые чиновничьи головы начисто. Пейзаж московский станет восхитительным. На мой вкус.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Я с чувством наслаждения прохожу теперь пассажи. Петровка и Кузнецкий в сумерки
горят огнями. И буйные гаммы красок за стеклами – улыбаются лики игрушек
кустарей.

Лифты пошли! Сам видел сегодня. Имею я право верить своим глазам?

Этот сезон подновляли, штукатурили, подклеивали. На будущий сезон, я верю, будут
строить. Осенью, глядя на сверкающие адским пламенем котлы с асфальтом на
улицах, я вздрагивал от радостного предчувствия. Будут строить, несмотря ни на
что. Быть может, это фантазия правоверного москвича... А по-моему, воля ваша,
вижу – Ренессанс.

Московская эпиталама:

Пою тебе, о бог Ремонта!

II. ГНИЛАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Расстался я с ним в июне месяце. Он пришел тогда ко мне, свернул махорочную
козью ногу и сказал мрачно:

– Ну, вот и кончил университет.

– Поздравляю вас, доктор, – с чувством ответил я.

Перспективы у новоиспеченного доктора вырисовывались в таком виде: в здравотделе
сказали: «вы свободны», в общежитии студентов-медиков сказали: «ну, теперь вы
кончили, так выезжайте», в клиниках, больницах и т. под. учреждениях сказали:
«сокращение штатов».

Получался, в общем, полнейший мрак.

После этого он исчез и утонул в московской бездне.

– Значит, погиб, – спокойно констатировал я, занятый своими личными делами (т.
наз. «борьба за существование»).

Я доборолся до самого ноября и собирался бороться дальше, как он появился
неожиданно.

На плечах еще висела вытертая дрянь (бывшее студенческое пальто), но из-под нее
выглядывали новенькие брюки.

По одной складке, аристократически заглаженной, я безошибочно определил: куплены
на Сухаревке за 75 миллионов.

Он вынул футляр от шприца и угостил меня «Ирой-рассыпной».

Раздавленный изумлением, я ждал объяснений. Они последовали немедленно:

– Грузчиком работаю в артели. Знаешь, симпатичная такая артель – шесть студентов
5-го курса и я...

– Что же вы грузите?!

– Мебель в магазины. У нас уж и постоянные давальцы есть.

– Сколько ж ты зарабатываешь?

– Да вот за предыдущую неделю 275 лимончиков.

Я мгновенно сделал перемножение $275 \times 4 = 1$ миллиард сто! В месяц.

– А медицина?!

– А медицина сама собой. Грузим раз-два в неделю. Остальное время я в клинике,
рентгеном занимаюсь.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– А комната?

Он хихикнул.

– И комната есть... Оригинально так, знаешь, вышло... Перевозили мы мебель в квартиру одной артистки. Она меня и спрашивает с удивлением: «А вы, позвольте узнать, кто на самом деле? У вас лицо такое интеллигентное». Я, говорю, доктор. Если б ты видел, что с ней сделалось!.. Чаем напоила, расспрашивала. «А где вы, говорит, живете?» А я, говорю, нигде не живу. Такое участие приняла, дай ей БОГ здоровья. Через нее я и комнату получил, у ее знакомых. Только условие: чтобы я не женился!

– Это что ж, артистка условие такое поставила?

– Зачем артистка... Хозяйева. Одному, говорят, сдадим, двоим ни в коем случае.

Очарованный сказочными успехами моего приятеля, я сказал после раздумья:

– Вот писали все: гнилая интеллигенция, гнилая... Ведь, пожалуй, она уже умерла. После революции народилась новая, железная интеллигенция. Она и мебель может грузить, и дрова колотить, и рентгеном заниматься.

– Я верю, – продолжал я, впадая в лирический тон, – она не пропадет! Выживет!

Он подтвердил, распространяя удушливые клубы «Ирой-рассыпной»:

– Зачем пропадать. Пропадать мы не согласны.

III. СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ МАЛЬЧИК

Вчера утром на Тверской я видел мальчика. За ним шла, раскрыв рты, группа ошеломленных граждан мужского и женского пола и тянулась вереница пустых извозчиков, как за покойником.

Со встречного трамвая № 6 свешивались пассажиры и указывали на мальчика пальцами. Утверждать не стану, но мне показалось, что торговка яблоками у дома №73 зарыдала от счастья, а зазевавшийся шофер срезал угол и чуть не угодил в участок.

Лишь протерев глаза, я понял, в чем дело.

У мальчика на животе не было лотка с сахаринным ирисом, и мальчик не выл диким голосом:

– Посольские! Ява!! Мурсал!!! Газетатачкапрокатываетвсех!..

Мальчик не вырывал из рук у другого мальчика скомканных лимонов и не лягал его ногами. У мальчика не было во рту папиросы. Мальчик не ругался скверными словами.

Мальчик не входил в трамвай в живописных лохмотьях и, фальшиво бегая по сытым лицам спекулянтов, не гнусил:

– Пода-айте... Христа ради...

Нет, граждане. Этот единственный, впервые встретившийся мне мальчик шел, степенно покачиваясь и не спеша, в прекрасной уютной шапке с наушниками, и на лице у него были написаны все добродетели, какие только могут быть у мальчика 11-12 лет.

Нет, не мальчик это был. Это был чистой воды херувим в теплых перчатках и валенках. И на спине у херувима был р-а-н-е-ц, из которого торчал уголок измызганного задачника.

Мальчик шел в школу 1-й степени у-ч-и-т-ь-с-я.

Довольно. Точка.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
IV. ТРИЛЛИОНЕР

Отправился я к знакомым нэпманам. Надоело мне бывать у писателей. Богема хороша только у Мюрже[2] – красное вино, барышни... Московская же литературная богема угнетает.

Придешь, и – или попросят сесть на ящик, а в ящике – ржавые гвозди, или чаю нет, или чай есть, но сахару нет, или в соседней комнате хозяйка квартиры варит самогон и туда шмыгают какие-то люди с распухшими лицами, и сидишь, как на иголках, потому что боишься, что придут – распухших арестовывать и тебя захватят, или (хуже всего) молодые поэты начнут свои стихи читать. Один, потом другой, потом третий... Словом – нестерпимая обстановка.

У нэпманов оказалось до чрезвычайности хорошо. Чай, лимон, печенье, горничная, всюду пахнет духами, серебряные ложки (примечание для испуганного иностранца: платоническое удовольствие), на пианино дочь играет «Молитву девы», диван, «не хотите ли со сливками», никто стихов не читает и т.д.

Единственное неудобство: в зеркальных отражениях маленькая дырка на твоих штанах превращается в дырищу величиной с чайное блюдечко, и приходится прикрывать ее ладонью, а чай мешать левой рукой. А хозяйка, очаровательно улыбаясь, говорит:

– Вы очень милый и интересный, но почему вы не купите себе новые брюки? А заодно и шапку...

После этого «заодно» я подавился чаем, и золотушная «Молитва девы» показалась мне данс-макабром{1}.

Но прозвучал звонок и спас меня.

Вошел некто, перед которым все побледнело и даже серебряные ложки съежились и сделались похожими на подержанное фразэ[3].

На пальце у вошедшего сидело что-то, напоминающее крест на Храме Христа Спасителя на закате.

– Каратов девяносто... Не иначе как он его с короны снял, – шепнул мне мой сосед – поэт, человек, воспевающий в стихах драгоценные камни, но по своей жестокой бедности не имеющий понятия о том, что такое карат.

По камню, от которого сыпались во все стороны разноцветные лучи, по тому, как на плечах у толстой жены вошедшего сидел рыжий палантин, по тому, как у вошедшего юрко бегали глаза, я догадался, что передо мной всем нэпманам – нэпман, да еще, вероятно, из треста.

Хозяйка вспыхнула, заулыбалась золотыми коронками, кинулась навстречу, что-то восклицая, и прервалась «Молитва девы» на самом интересном месте.

Затем началось оживленное чаепитие, причем нэпман был в центре внимания.

Я почему-то обиделся (ну что ж из того, что он нэпман? Я разве не человек?) и решил завязать разговор. И завязал его удачно.

– Сколько вы получаете жалованья? – спросил я у обладателя сокровища.

Туг же с двух сторон под столом мне наступили на ноги. На правой ноге я ощутил сапог поэта (кривой стоптанный каблук), на левой ногу хозяйки (французский острый каблук).

Но богач не обиделся. Напротив, мой вопрос ему польстил почему-то.

Он остановил на мне глаза на секунду, причем тут только я разглядел, что они похожи на две десятки одесской работы.

– М... м... как вам сказать... Э... пустяки. Два, три миллиарда, – ответил он, посылая мне с пальца снопы света.

– А сколько стоит ваше бри... – начал я и взвизгнул от боли.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

– ...бритье?! – выкрикнул я, не помня себя, вместо «бриллиантовое кольцо».

– Бритье стоит 20 лимонов, – изумленно ответил нэпман, а хозяйка сделала ему глазами: «Не обращайтесь внимания. Он идиот».

И мгновенно меня сняли с репертуара. Защебетала хозяйка, но благодаря моему блестящему почину разговор так и увяз в лимонном болоте.

Во-первых, поэт всплеснул руками и простонал:

– 20 лимонов! Ай, яй, яй! (Он брился последний раз в июне.)

Во-вторых, сама хозяйка ляпнула что-то несуразно-малое насчет оборотов в тресте.

Нэпман понял, что он находится в компании денежных младенцев, и решил поставить нас на место.

– Приходит ко мне в трест неизвестный человек, – начал он, поблескивая черными глазами, – и говорит: возьму у вас товару на 200 миллиардов. Плачу векселями. Позвольте, – отвечаю я, – вы – лицо частное... Э... какая же гарантия, что ваши уважаемые векселя... А, пожалуйста, – отвечает тот. И вынул книжку своего текущего счета. И как вы думаете, – нэпман победоносно обвел глазами сидящих за столом, – сколько у него оказалось на текущем счету?

– 300 миллиардов? – крикнул поэт (этот проклятый санкюлот не держал в руках больше 50 лимонов).

– 800, – сказала хозяйка.

– 940, – робко пискнул я, убрав ноги под стол.

Нэпман артистически выдержал паузу и сказал:

– Тридцать три триллиона.

Тут я упал в обморок и, что было дальше, не знаю.

Примечание для иностранцев: триллион в московских трестах называют тысячу миллиардов, 33 триллиона пишут так:

33.000.000.000.000.

V. ЧЕЛОВЕК ВО ФРАКЕ

Опера Зимина[4]. «Гугеноты»[5]. Совершенно такие же, как «Гугеноты» 1893 г., «Гугеноты» 1903 г., 1913, наконец, и 1923 г.!

Как раз с 1913 г. я и не видел этих «Гугенотов». Первое впечатление – ошалевашь. Две витых зеленых колонны и бесконечное количество голубоватых ляжек в трико. Затем тенор начинает петь такое, что сразу мучительно хочется в буфет и:

– Гражданин служащий, пива! («Человеков» в Москве еще нет.)

В ушах ляпает громовое «пиф-паф!!» Марсея[6], а в мозгу вопрос:

– Должно быть, это действительно прекрасно, ежели последние бурные годы не вытерли этих гугенотов вон из театра, окрашенного в какие-то жабы тона?

Куда там вытерли! В партере, в ложах, в ярусах ни клочка места. Взоры сосредоточены на желтых сапогах Марсея. И Марсель, посылая партеру сердитые взгляды, угрожает:

Пощады не ждите,
Она не придет-е-е-т...
Рокочущие низы.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Солисты, посипев под гримом, прорезывают гремящую массу хора и медных. Ползет занавес. Свет. Сразу хочется бутербродов и курить. Первое – невозможно, ибо для того, чтобы есть бутерброды, нужно зарабатывать миллиардов десять в месяц, второе – мыслимо.

У вешалок сквозняк, дымовая завеса. В фойе – шарканье, гул, пахнет дешевыми духами. Зеленойшая тоска после папиросы.

Все по-прежнему, как было пятьсот лет назад. За исключением, пожалуй, костюмов. Пиджачки сомнительные, френчи вытертые.

«Ишь ты, – подумал я, наблюдая, – публика та, да не та...»

И только что подумал, как увидел у входа в партер человека. Он был во фраке! Все, честь честью, было на месте. Ослепительный пластрон, давно заутюженные брюки, лакированные туфли и, наконец, сам фрак.

Он не посрамил бы французской комедии. Первоначально так и подумал: не иностранец ли? От тех всего жди. Но оказался свой.

Гораздо интереснее фрака было лицо его обладателя. Выражение унылой озабоченности портило расплывчатый лик москвича. В глазах его читалось совершенно явственно:

«Да-с, фрак. Выкуси. Никто не имеет мне права слово сказать. Декрета насчет фраков нету».

И, действительно, никто фрачника не трогал, и даже особенно острого любопытства он не возбуждал. И стоял он незыблемо, как скала, омываемая пиджачным и френчным потоком.

Фрак этот до того меня заинтриговал, что я даже оперы не дослушал.

В голове моей вопрос:

«Что должен означать фрак? Музейная ли это редкость в Москве среди френчей 1923 г., или фрачник представляет собой некий живой сигнал:

– Выкуси. Через полгода все оденемся во фраки».

Вы думаете, что, может быть, это праздный вопрос? Не скажите...

VI. БИОМЕХАНИЧЕСКАЯ ГЛАВА

Зови меня вандалом,
Я это имя заслужил.

Признаюсь: прежде чем написать эти строки, я долго колебался. Боялся. Потом решил рискнуть.

После того, как я убедился, что «Гугеноты» и «Риголетто» перестали меня развлекать, я резко кинулся на левый фронт. Причиной этому был И. Эренбург, написавший книгу «А все-таки она вертится»[7], и двое длинноволосых московских футуристов, которые, появляясь ко мне ежедневно в течение недели, за вечерним чаем ругали меня «мещанином».

Неприятно, когда это слово тычет в глаза, и я пошел, будь они прокляты! Пошел в театр Гитис на «Великодушного рогоносца» в постановке Мейерхольда[8].

Дело вот в чем: я человек рабочий. Каждый миллион дается мне путем ночных бессонниц и дневной зверской беготни. Мои денежки как раз те самые, что носят название кровных[9]. Театр для меня – наслаждение, покой, развлечение, словом, все что угодно, кроме средства нажать новую хорошую неврастению, тем более что в Москве есть десятки возможностей нажать ее без затраты на театральные билеты.

Я не И. Эренбург и не театральный мудрый критик, но судите сами: в общипанном, ободранном, сквозняковом театре вместо сцены – дыра (занавеса, конечно, нету и следа). В глубине – голая кирпичная стена с двумя гробовыми окнами.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
А перед стеной сооружение. По сравнению с ним проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты[10]. Какие-то клетки, наклонные плоскости, палки, дверки и колеса. И на колесах буквы кверху ногами «с ч» и «т е». Театральные плотники, как дома, ходят взад и вперед, и долго нельзя понять, началось уже действие или еще нет.

Когда же оно начинается (узнаешь об этом потому, что все-таки вспыхивает откуда-то сбоку свет на сцене), появляются синие люди (актеры и актрисы все в синем. Театральные критики называют это прозодеждой. Послал бы я их на завод денька хоть на два! Узнали бы они, что такое прозодежда!).

Действие: женщина, подобрав синюю юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем и женщины и мужчины сидят. Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой. Женщина на плечах у мужчин ездит, прикрывая стыдливо ноги прозодеждой юбкой.

– Это биомеханика, – пояснил мне приятель. Биомеханика!! Беспомощность этих синих биомехаников[11], в свое время учившихся произносить слащавые монологи, вне конкуренции. И это, заметьте, в двух шагах от Никитинского цирка, где клоун Лазаренко ошеломляет[12] чудовищными salto!

Кого-то вертящейся дверью колотят уныло и настойчиво опять по тому же самому месту. В зале настроение, как на кладбище у могилы любимой жены. Колеса вертятся и скрипят.

После первого акта капельдинер:

– Не понравилось у нас, господин?

Улыбка настолько нагла, что мучительно хотелось биомануть его по уху.

– Вы опоздали родиться, – сказал мне футурист.

Нет, это Мейерхольд поспешил родиться.

– Мейерхольд – гений! – завывал футурист.

Не спорю. Очень возможно. Пускай – гений. Мне все равно. На не следует забывать, что гений одинок, а я – масса. Я – зритель. Театр для меня. Желаю ходить в понятный театр.

– Искусство будущего!! – налетели на меня с кулаками.

А если будущего, то пускай, пожалуйста, Мейерхольд умрет и воскреснет в XXI веке. От этого выиграют все, и прежде всего он сам. Его поймут. Публика будет довольна его колесами, он сам получит удовлетворение гения, а я буду в могиле, мне не будут сниться деревянные вертушки.

Вообще к черту эту механику. Я устал.

VII. ЯРОН

Спас меня от биомеханической тоски артист оперетки Ярон[13], и ему с горячей благодарностью посвящаю эти строки. После первого же его падения на колени к графу Люксембургу, стукнувшему его по плечу, я понял, что значит это проклятое слово «биомеханика», и когда оперетка карусельным галопом пошла вокруг Ярона, как вокруг стержня, я понял, что значит настоящая буффонада.

Грим! Жесты! В зале гул и гром! И нельзя не хохотать. Немыслимо.

Бескорыстная реклама Ярону, верьте совести: исключительный талант.

VIII. ВО ЧТО ОБХОДИТСЯ КУРЕНИЕ

Из хаоса каким-то образом рождается порядок. Некоторые об этом узнают из газет со значительным опозданием, а некоторые по горькому опыту на месте и в процессе создания этого порядка.

Так, например, нэпман, о котором я расскажу, познакомился с новым порядком в

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
коридоре плацкартного вагона на станции Николаевской железной дороги.

Он был в общем благодушный человек, и единственно, что выводило его из себя, это большевики. О большевиках он не мог говорить спокойно. О золотой валюте – спокойно. О сале – спокойно. О театре – спокойно. О большевиках – слюна. Я думаю, что если бы маленькую порцию этой слюны вспрыснуть кролику – кролик издох бы во мгновение ока. 2-х граммов было бы достаточно, чтобы отравить эскадрон Буденного с лошадьми вместе.

Слюны же у нэпмана было много, потому что он курил.

И когда он залез в вагон со своим твердым чемоданом и огляделся, презрительная усмешка исказила его выразительное лицо.

– Гм... подумаешь, – заговорил он... или, вернее, не заговорил, а как-то заскрипел, – свинячили, свинячили четыре года, а теперь вздумали чистоту наводить! К чему, спрашивается, было все это разрушать? И вы думаете, что я верю в то, что у них что-нибудь выйдет? Держи карман. Русский народ – хам. И все им опять заплует!

И в тоске и отчаянии швырнул окурок на пол и растоптал. И немедленно (черт его знает, откуда он взялся – словно из стены вырос) появился некто с квитанционной книжкой в руках и сказал, побивая рекорд лаконичности:

– Тридцать миллионов.

Не берусь описать лицо нэпмана. Я боялся, что его хватит удар.

Вот она какая история, товарищи берлинцы. А вы говорите «bolscheviki», «bolscheviki»! Люблю порядок.

Прихожу в театр. Давно не был. И всюду висят плакаты: «Курить строго воспрещается». И думаю я, что за чудеса: никто под этими плакатами не курит. Чем это объясняется? Объяснилось это очень просто, так же, как и в вагоне. Лишь только некий с черной бородкой – прочитав плакат – сладко затянулся два раза, как вырос молодой человек симпатичной, но непреклонной наружности и:

– Двадцать миллионов.

Негодованию черной бородки не было предела.

Она не пожелала платить. Я ждал взрыва со стороны симпатичного молодого человека, игравшего благодушно квитанциями. Никакого взрыва не последовало, но за спиной молодого человека, без всякого сигнала с его стороны (большевистские фокусы!), из воздуха соткался милиционер[14]. Положительно, это было гофманское нечто. Милиционер не произнес ни одного слова, не сделал ни одного жеста. Нет! Это было просто воплощение укоризны в серой шинели с револьвером и свистком. Черная бородка заплатила со сверхъестественной гофманской же быстротой.

И лишь тогда ангел-хранитель, у которого вместо крыльев за плечами помещалась небольшая изящная винтовка, отошел в сторону и «добродушная пролетарская улыбка заиграла на его лице» (так пишут молодые барышни революционные романы).

Случай с черной бородкой так подействовал на мою впечатлительную душу (у меня есть подозрение, что и не только на мою), что теперь, куда бы я ни пришел, прежде чем взяться за портсигар, я тревожно осматриваю стены – нет ли на них какой-нибудь печатной каверзы. И ежели плакат «Строго воспрещается», подманивающий русского человека на курение и плевки, то я ни курить, ни плевать не стану ни за что.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
IX. ЗОЛОТОЙ ВЕК

Фридрихштрасской уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю[15], и даже больше того: по мере того как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что «все образуется» и мы еще можем пожить довольно славно.

Однако я далек от мысли, что Золотой Век уже наступил. Мне почему-то кажется, что наступит он не ранее, чем порядок, симптомы которого так ясно начали проступать в столь незначительных, казалось бы, явлениях, как все эти некурительные и неплевательные события, пустит окончательные корни.

ГУМ с тысячами огней и гладко выбритыми приказчиками, блестящие швейцары в государственных магазинах на Петровке и Кузнецком, «Верхнее платье снимать обязательно» и т. под. – это великолепные ступени на лестнице, ведущей в Рай, но еще не самый Рай.

Для меня означенный Рай наступит в то самое мгновение, как в Москве исчезнут семечки. Весьма возможно, что я выродок, не понимающий великого значения этого чисто национального продукта, столь же свойственного нам, как табачная жвачка славным американским героям сногшибательных фильмов, но весьма возможно, что просто-напросто семечки – мерзость, которая угрожает утопить нас в своей слюнявой шелухе.

Боюсь, что мысль моя покажется дикой и непонятной утонченным европейцам, а то я сказал бы, что с момента изгнания семечек для меня непреложной станет вера в электрификацию поезда (150 километров в час), всеобщую грамотность и проч., что уже, несомненно, означает Рай.

И маленькая надежда у меня закопошилась в сердце после того, как на Тверской меня чуть не сшибла с ног туча баб и мальчишек, с лотками летевших куда-то с воплями:

– Дунька! Ходу! Он идет!!

«Он» оказался, как я и предполагал, воплощением в сером, ко уже не укоризны, а ярости.

Граждане, это священная ярость. Я приветствую ее.

Их надо изгнать, семечки. Их надо изгнать. В противном случае быстроходный электрический поезд мы построим, а Дуньки наплюют шелухи в механизм, и поезд остановится – и все к черту.

X. КРАСНАЯ ПАЛОЧКА

Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску.

Это спектр. Световые эффекты в ней поразительны. Контрасты – чудовищны. Дуньки и нищие (о, смерть моя – московские нищие! Родился НЭП в лакированных ботинках, немедленно родился и тот страшный, в дырах, с гнусавым голосом, и сел на всех перекрестках, занял у подъездов, заковылял по переулкам), благой мат ископаемых извозчиков и бесшумное скольжение машин, сияющих лаком, афиши с мировыми именами... а в будке на Страстной площади торгует журналами, временно исполняя обязанности отлучившегося продавца, неграмотная баба!

Клянусь – неграмотная!

Я сам лично подошел к будке. Спросил «Россию», она мне подала «Корабль» (похож шрифт!). Не то. Баба заметалась в будке. Подала другое. Не то.

– Да что вы, неграмотная?! (Это я иронически спросил.)

Но долой иронию, да здравствует отчаяние! Баба д е й с т в и т е л ь н о н е г р а м о т н а я .

Москва – котел: в нем варят новую жизнь. Это очень трудно. Самим приходится вариться. Среди Душек и неграмотных рождается новый, пронизывающий все углы бытия, организационный скелет.

В отчаянии от бабы с «Кораблем» в руках, в отчаянии от зверских извозчиков, поминающих коллективную нашу мамашу, я кинулся в Столешников переулок и на скрещении его с Большой Дмитровской увидел этих самых извозчиков. На скрещении было, очевидно, какое-то препятствие. Вереница бородачей на козлах была неподвижна. Я был поражен. Почему же не гремит ругань? Почему не вырываются вперед пыльные извозчики?

Боже мой! Препятствие-то, препятствие... Только всего, что в руках у милиционера была красная палочка и он застыл, подняв ее вверх.

Но лица извозчиков! На них было сияние, как на Пасху!

И когда милиционер, пропустив трамвай и два автомобиля, махнул палочкой, прибавив уже несвойственное констеблям и шуцманам ласковое:

– Давай!

Извозчики поехали так нежно и аккуратно, словно везли не здоровых москвичей, а тяжело раненых.

Авторские сноски

{1} Пляской смерти (от фр. *danse macabre*).

Столица в блокноте

1 Он – нэпман и жулик. – Приветствуя оживление в жизни столицы, Булгаков в то же время с глубочайшим презрением относился к новоявленным богачам, миллиардерам и триллионерам, разбогатевшим на нищете большинства людей. Писатель знал цену «трудовой копейке» и с ужасом смотрел на все пороки так называемого нэпа, иногда даже преувеличивая его темные стороны. В этом смысле характерна его дневниковая запись от 23 декабря 1924 г.: «Самым чудовищным из всех рассказов Василевского (Василевский (Не-Буква) И. М., писатель, издатель, бывший муж Л. Е. Белозерской, второй жены Булгакова. – В. Л.) был рассказ о том, как Френкель, ныне московский издатель, в прошлом раввин (вероятно, и сейчас, только тайный), ехал в спальном международном вагоне из С.-Петербурга в Москву. Это один из крупных узлов, который кормит сейчас в Москве... работающих по книжному делу. У него плохонькое, но машинно налаженное дело в самом центре Москвы, и оно вечно гудит, как улей. Во двор Кузнецкого переулочка вбегают, из него убегают, собираются. Это рак в груди. Неизвестно, где кончаются деньги одного и где начинаются деньги другого. Он очень часто ездит в Петербург, и характерно, что его провозают почтительной толпой...»

Конечно, в этой записи чувствуются и политические мотивы (Френкель издавал большевистские агитки!), но новый спекулятивно-воровской «капитализм» Булгакову был явно не по душе. И совсем не в этом писатель видел возрождение России. Да, он был за возвращение «старого порядка», но нэп не имел к нему никакого отношения; это была карикатура на прошлое, и не более того.

2 Богема хороша только у Мюрге... – Мюрге Акри (1822–1861), французский писатель. Его книга «Сцены из жизни богемы» (1851) послужила основой для опер Дж. Пуччини (1858–1924) «Богема» (1895) и Р. Леонкавалло (1857–1919) «Богема» (1897).

3 ...подержанное фражэ. – Фраже – сплав, имитирующий серебро.

4 Опера Зимина. – Зимин Сергей Иванович (1875–1942), театральный деятель, основатель Оперного театра своего имени. С 1917 г. он был и его директором.

5 «Гугеноты» – опера композитора Джакомо Мейербера (1791–1864), написанная в 1835 г. На советской сцене поставлена 17 ноября 1922 г. в Оперном театре Зимина.

6 ... Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
6 ... громовое «пиф-паф!!» Марселя... – Партию Марселя из оперы «Гугеноты» исполнял Г. С. Пирогов (1885–1931) – один из трех братьев Пироговых, прославивших русскую оперную сцену.

7 ... И. Эренбург, написавший книгу «А все-таки она вертится»... – Речь идет о книге И. Г. Эренбурга (1891–1967), вышедшей в 1922 г., в которой он выступил защитником конструктивизма в искусстве. Булгаков не раз писал в ироническом тоне о произведениях Эренбурга. В «Роковых яйцах», например: «Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда... выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга „Курий дох"...» И даже в дневнике писателя Эренбург упоминается в любопытном контексте. Записи от 2 января 1925 г.: «Если бы к „Рыковке" добавить „Семашковки", то получилась бы хорошая „Совнаркомовка"». «Рыков напился по смерти Ленина по двум причинам: во-первых, с горя, а во-вторых, от радости». «Троцкий теперь пишется „Трой" – ЦК выпало. Все эти анекдоты мне рассказывала эта хитрая веснушчатая лиса Л[ежнев] вечером, когда я с женой сидел, вырабатывая текст договора на продолжение „Белой гвардии" в „России". Жена сидела, читая роман Эренбурга, а Лежнев обхаживал меня. Денег у нас с ней не было ни копейки. Завтра неизвестный мне еще еврей Каганский должен будет уплатить мне 300 рублей и векселя. Векселями этими можно подтереться...» Иронически-презрительное отношение Булгакова к Эренбургу объясняется прежде всего тем, что последний пытался усидеть сразу на нескольких стульях.

8 ... на «Великодушного рогоносца» в постановке Мейерхольда. – Пьеса бельгийского драматурга Фернана Кромелинка (1888–1970) была поставлена Вс. Мейерхольдом в 1922 г. в «Театре актера».

9 Мои денежки... носят название кровных. – В письмах к родным за это время Булгаков постоянно подчеркивает, что «прокорм» стоит адских усилий. Вот некоторые строки из писем к родным: «Переутомлен я до того, что дальше некуда»; «Работой я буквально задавлен...»; «...я так устаю от своей каторжной работы, что вечером иногда не в силах выжать из себя ни одной строки...»; «Я очень много работаю и смертельно устаю».

Некоторые из современных «критиков» ставят в вину Булгакову его «пролетарский взгляд» на вопрос «доходов и расходов», даже не задумавшись над его репликой: «...я человек рабочий». «Рабочий» – не в классово-сословном смысле этого слова, а в прямом – человек трудящийся (а не паразит). Часто пишут, что Булгаков более всего ненавидел предателей и трусов. Это несомненно так. Но не менее – паразитов.

10 ... проект Татлина может считаться образцом ясности и простоты. – Татлин Владимир Евграфович (1885–1953), известный живописец, график, театральный художник. Создал экспериментальный проект памятника-башни III Интернационалу (модель – железо, стекло, дерево, 1919–1920 гг.).

11 Беспомощность этих синих биомехаников... – Можно привести сотни отзывов о творчестве Мейерхольда начала 20-х гг. – положительных и отрицательных. Но нам представляется чрезвычайно важным более ранний отзыв самого выдающегося российского демократа (без кавычек) В. Г. Короленко. Вот что писал о Мейерхольде в своем дневнике (запись 18 декабря 1917 г.) выдающийся писатель: «Кстати, о декадансе. Было бы любопытно проследить всякого рода футуризм в теперешних событиях. Между прочим, недавно в „Речи" приводили заявление Всев. Эмил. Мейерхольда в беседе О-ва „Искусство для всех":

Г. Мейерхольд очень удивляется, почему солдаты не приходят в театр и, молча, не освобождают его от „партерной" публики... Г. Мейерхольд восклицает: „Довольно партера! Интеллигенцию выгонят туда, где процветают эпигоны Островского". Интересно, что Мейерхольд рассчитывает, будто демократические вкусы совпадают с его футуристическими кривляньями».

Как видим, взгляды «монархиста» Булгакова и «демократа» Короленко в отношении «биомеханики» и «кривляний» Мейерхольда были одинаковы.

12 ... клоун Лазаренко ошеломляет... – Лазаренко Виталий Ефимович (1890–1939), талантливейший цирковой актер-сатирик, мастер клоунады и прыжковой акробатики. Булгаков восхищался его мастерством.

13 ... артист оперетки Ярон... – Ярон Григорий Маркович (1893–1963), артист оперетты, народный артист РСФСР (1940). Булгаков мгновенно, как это было ему свойственно, угадал в молодом актере большой талант.

Столица в блокноте. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
14 ...из воздуха соткался милиционер. – Вот они, «зачатки» будущего «закатного романа». Ср.: «И тут знойный воздух сгустился над ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида» («Мастер и Маргарита», гл. I).

15 Фридрихштрасской уверенности, что Россия прикончилась, я не разделяю... – Булгаков в данном случае полемизирует с теми органами печати русского зарубежья (прежде всего берлинскими), которые на России уже поставили большой черный крест. Булгаков в то время еще верил в здравомыслие и национальное самосознание русского народа, а также в силу сохранившейся белой армии за рубежом. Писатель еще жил надеждой на возрождение России.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!